

керши! — понял я. — Нанятые хлопать в ладони за сотню-другую». А оба Иванова ещё притворяются, что денег нет! Но ещё яростней наймиты стали хлопать, когда съезду было объявлено, что с большим перевесом в голосовании Николай Иванов победил Сергея Шаргунова. Клакеры так не жалели своих ладоней, что я почти поверил: да, они знают Николая Фёдоровича Иванова, они конечно же читали его повести, опубликованные в последние 20 лет только в моём журнале.

Но на съезде до меня дошло, что для большинства делегатов рядом с прозой Иванова повести Проханова «Идущие в ночи» и «Чеченский блюз», повесть Альберта Лиханова «Непрощённая», рассказы Распутина «Изба» и «В ту же землю», повесть Андрея Убогого «Рукопись», повесть Михаила Тарковского «Фарт» и многое другое не существуют, что «шедевры» на нашем съезде будут считаться в интернетных излияниях только сочинения Н.Ф. Иванова.

IV. Сердце красавиц...

Сколько благоуханной нежности вылилось на мою седую голову в дни моего 85-летия, особенно из женских уст. Светлана Сырнева из Вятки, Надежда Мирошниченко из Сыктывкара, Людмила Владимировна из Одессы.

Да и мужики не отставали, заваливая меня гроздьями менее изящных, но не менее искренних похвал. Вячеслав Люгый из Воронежа, Владимир Подлузский из Сыктывкара, Михаил Попов из Архангельска.

А я и знать не знал, что через две-три недели, когда все мои почитатели узнают, что я, возможно, выставлю свою кандидатуру на нашем 15-м съезде для избрания на должность председателя правления Союза писателей России, то в умах и сердцах почитателей и особенно почитательниц произойдёт полный психологический, мировоззренческий, а может быть, даже и шизофренический переворот, в результате которого столько дурно пахнущего словесного мусора слетит с тех же женских языков, которые как по команде начнут проклинать меня и восхвалять бывшего военного журналиста и офицера налоговой полиции Николая Фёдоровича Иванова, автора нескольких повестей и рассказов, напечатанных за последние 15 лет не где-нибудь, а в журнале «Наш современник» (хоть бы за одно это меня похвалили!).

Ах эти женщины! Поистине, сердце красавицы склонно к измене. А одна из них стала защищать имя Николая Иванова (хотя я совершенно не собирался нападать на него или в чём-то упрекать) с такой страстью, как будто он не Николай Иванов, всем известный, а, по меньшей мере, Никола-угодник, Николай Мирликийский, чудотворец, и поэтому именно к покаянию воззвали меня все сегодняшние Магдалины, ещё вчера чуть ли не омывавшие мне усталые ноги от палестинской пыли. Скольких наивных глупостей я начитался в интернете о том, как скверно я вёл себя на съезде и вообще, как непристойно порой пишу о своих коллегах.

Некая Марина Маслова, христианка и православная, отпуская всяческие комплименты Н.Иванову, с гневом обличает книгу моих интервью и бесед, носящую название «Стас уполномочен заявить»: «Творческая сила писателя, — пишет она, — истрачивается здесь на сочинительство дурных «эпитетов» и «кличек»: «красноярский классик» (о В.П. Астафьеве), «блеск и нищета литературоведки» (Маслова даже не может правильно процитировать название моей статьи о Татьяне Глушковой, которая называется «Блеск и нищета кожиноведки»), «обкомовский прихвостень» (об одном поэте). Это не защита добра, — патетически восклицает литературная дама, — это мерзость перед Богом. Ибо никогда не признавал нас Бог мстить и унижать ближнего». Слава Богу, что хоть признала наличие в моих писаниях «творческой силы».

Насчёт того, к чему призывал нас Бог, спорить не буду, а вот насчёт того, что

наша православная писательница смеет судить, на что автор истрачивает творческую силу, я скажу следующее:

«Красноярский классик» подписал позорное «письмо 42-х» либералов, подтолкнувшее Ельцина на расстрел российского парламента.

Впоследствии Ельцин приехал к Астафьеву в Овсянку и выделил ему за поддержку кровопролития в дни 3-4 октября 1993 года несколько миллионов рублей на издание 12-томного собрания сочинений. Получил Астафьев свои 30 серебряников ещё и за то, что в числе других советских интеллигентов подписал «Римское обращение» к советским гражданам, благословляющее распад Советского Союза.

А Глушкова заслужила слова «блеск и нищета кожиноведки» (читать надо внимательно!) за то, что пыталась приклеить мне, Вадиму Кожинину и академику Игорю Шафаревичу ярлык «адвокаты измены»... И не из убеждений она попыталась объявить нас, троих патриотов России, предателями своей Родины, а чисто из женского истерического состояния, в которое иногда впадала.

А слова «обкомовский прихвостень» по отношению к Виктору Астафьеву принадлежат поэту Николаю Рубцову, о чём вспоминает вдова поэта Николая Рубцова Людмила Дербина в книге своих воспоминаний, которая у меня есть. Так что я советовал бы православной христианке Марине Масловой не слушать болтовню окружающих её мужчин-писателей, а побольше читать честных и объективных книг по новейшей истории России с её олигархами, писателями, поэтами и читателями. А что есть «блага перед Богом», что «мерзость» — то знает лишь один Господь, но не Вы, мадам.

Начну с самых талантливых имён, которые заслуженно заработали свою славу, постоянно печатаясь в журнале «Наш современник», который всегда гордился их публикациями.

Уважаемый, бесценный Станислав Юрьевич!

Примите сердечные поздравления с блинным днём рождения!

Богато одарённый человек, Вы занимаете блистательные высоты в поэзии, публицистике, литературной критике. Для миллионов соотечественников Ваше Слово стало подлинным откровением, немеркнувшей путеводной звездой в пути к возрождению России.

Вы — бесспорный лидер и властитель дум в деле укрепления национального самосознания русских людей. Неукротимый общественный темперамент, яркий литературный талант, редкий дар убеждения и человеческое обаяние делают Вас прирождённым победителем, которому не страшны любые преграды.

Великолепный организатор, опытный руководитель, на протяжении почти тридцати лет Вы возглавляете журнал «Наш современник». Благодаря Вашим высоким деловым качествам и мудрой, взвешенной политике сегодня это самый читаемый литературный журнал в Российской Федерации.

Искренне и от всей души желаю Вам новых побед и свершений, крепкого здоровья, счастья и благополучия!

К моему поздравлению присоединяются все писатели Вятской земли.

С уважением и любовью
Светлана Сырнева
Ноябрь 2017 г. г. Киров

Но вскоре, во время приближения к съезду, Сырнева выложила на сайт «Российский писатель» ещё несколько писем, фактически уничтоживших её послание к моему юбилею.

Светлана Сырнева:
В отечественной политике уже не осталось честных выборов: как правильно, это борьба денежных мешков. А у нас — русский офицер против де-

нежного мешка! Это впечатляет, это красиво. Союз писателей России — последний бастион свободы.

Светлана Сырнева:

Горжусь нашим Союзом писателей России, основа которого — люди с твёрдыми убеждениями, талантливые, умные, с чувством собственного достоинства! Делегаты съезда проявили верность лучшим традициям русской литературы, выбрав независимый путь развития. Этот путь — нелёгкий, но все вместе мы справимся. Наша победа многим обязана отличной информационной работе союза. Замечательная статья Николая Дорошенко сыграла в этом огромную роль.

Для пояснения того, что хотела сказать Света Сырнева, обратившись к «замечательной статье» Дорошенко, мы публикуем отрывки из этой «замечательной» статьи, которой зачитывались все впечатлительные делегатки нашего съезда. В которой лгун Дорошенко цитирует клеветника Огрызко:

«Литературная Россия» сообщает вот о чём: «Как говорят, задача поставлена такая: якобы Куняев сразу должен воцариться в президиуме съезда, захватить в свои руки микрофон и на правах старейшины открыть и провести съезд, навязав всем делегатам свою волю. Цель — во что бы то ни стало заполучить пост председателя Союза писателей России и тут же провести на должность первого заместителя Ивана Переверзина».

Я здесь выгляжу почти как «чистый украинец Мишико», вырывающийся из рук Порошенко-Иванова то ли микрофон, то ли автомат, а «Лит. Россия», как честнейшая в истории человечества книга — «Евангелие».

Но на этом вятская Светлана не успокоилась. Страсть выражать свои чувства в письмах — обычное лёгкое нервное заболевание женщин.

В далёкой молодости, помнится, я почему-то написал стихотворение: «Изжил себя эпистолярный жанр», я вспомнил его, когда увидел в сети четвёртое или пятое послание от Светланы, то ли съезду, то ли одновременно в какой-то степени мне:

Светлана Сырнева:

Дорогие друзья, о чём мы говорим! Я ничего не имею против того, чтобы заслуженные писатели Москвы получали от Литфонда дачи и квартиры. Получили — и слава Богу. Но один из лучших поэтов второй половины XX века Виктор Лапшин умер в нищете у себя в Галиче. Друг и единомышленник Кожинова, Юрия Кузнецова, постоянный автор «Нашего современника». Думаю, что он был и другом Станислава Юрьевича Куняева. Умер в нищете, потому что он — не москвич. И слишком гордый был, чтобы просить что-то.

Один из лучших поэтов Вятки Валерий Фокин несколько лет назад в результате несчастного случая стал инвалидом и с трудом передвигается. Живёт на одну пенсию и на то, что его жена летом вырастит в огороде. Тоже автор «Нашего современника». Как вы уже догадаетесь, от Литфонда он не дождался ничего. И по Вятской земле этот список можно продолжать, и в любом регионе найдутся десятки, сотни примеров, когда на пороге писателя стоит не просто бедность, а нищета. И помощи искать негде. Я считаю, что Литфонд, мягко говоря, скомпрометировал себя, сконцентрировав своё внимание на нуждах писателей Москвы. Слишком это явно, слишком очевидно. Не уверена, что у них есть даже списочный состав членов Литфонда. Зачем, если все нужные люди на виду?!

Я не знаю, обязан ли в подобных случаях заботиться о своих членах Союз писателей России, отделение которого, конечно, в г. Кирове есть, да и лишние деньги в Вятской области водятся, если вспомнить о деятельности губернатора Белых и предпринимателя Навального, но думаю, что в этом письме есть скрытый упрёк не только москвичам, не только чиновникам из Литфонда или Союза писателей, но и «Нашему современнику», а значит, и мне лично. А «Наш современник» я считаю структурой не менее, а скорее более нужной, нежели Литфонды и даже Союз писателей.

Да, Светлана, Вы во многом правы. Но не во всём. Виктор Лапшин действительно был другом Юрия Кузнецова и через него и моим, и мы с Юрием Поликарповичем как могли помогали ему. Как можно чаще, нежели других, печатали, наша бухгалтерия всегда выписывала ему, насколько это было возможно, повышенные гонорары. Он был дважды лауреатом премии журнала и ценил все эти заботы, о чём свидетельствуют дарственные надписи на его книгах, присланных мне:

**«Станиславу Юрьевичу Куняеву от русского сердца
В.Лапшин. 22./XI.89»**

**«Станиславу Юрьевичу Куняеву на добрую память во славу России
В. Лапшин. Сентябрь 86 г.»**

«Станиславу Юрьевичу на добрую память с всегдашней благодарностью. Желаю здоровья на долгие годы.

**В.Лапшин Осень 2005 г.»
«Станиславу Юрьевичу — с великой верой в его дела. Дружески
В.Лапшин осень 20.11.90»**

Перебирая книги с дарственными надписями, я нашёл совершенно случайно и Ваш, Светлана, сборник, изданный в Москве в 2008 году. «Избранные стихи». И ниже Ваши слова:

«Дорогую и навек любимому Станиславу Юрьевичу Куняеву — с благодарностью С.Сырнева». Бог ты мой, я был у неё «любимый навек»!

Хотел было разыскать и другие сборники с сердечными признаниями, но подумал, что хватить с меня и этого, что Вам сейчас читать их будет неловко, словом, пожалел Вас и прекратил сегодня уже никому не нужные поиски. Однако черти не дремлют, и один из них попутал: попалась мне на полуслепые глаза книжница Вашей подруги, и я не сдержался, перевернул обложку: **«Моему любимому учителю, дорогому человеку, талантливому поэту с вечной благодарностью (слова «вечный», «навек» — любимые у женщин! — Ст. К.) и непреходящей верностью.**

Надя. 30.11.86 г. г. Москва»

Ну, ты понимаешь, что это Мирошниченко, которая приехала на съезд с твоим делегатским мандатом и, наверное, использовала, голосуя за Иванова, двумя голосами.

Однако если с «вечностью» всё у нас в порядке, то с «верностью» дело обстоит хуже. Но я помню, Светлана, что когда мы однажды узнали от Кузнецова, что у Виктора Лапшина накопились непосильные долги за неуплату коммуналки, то, не обращаясь ни в какие Литфонды, связались с его женой (по-моему, её звали Алёна) и послали ей деньги на покрытие этого долга. А когда он умер, и местные власти решили отобрать у семьи Лапшина — у вдовы и сына-инвалида — лишнюю, как им это показалось, комнату, я написал два письма: одно в Галич председателю горисполкома, а другое областному начальству. Вскоре вдова Виктора позвонила мне с благодарностью и сообщила, что местные власти оставляют их жить на прежней жилплощади...

Кроме этого, Иван Переверзин по просьбе Юрия Кузнецова не раз посылал Лапшину из Литфонда денежную помощь, о чём Вы, Светлана, не знали, но это не оправдывает Вас.

Горько писать об этом, но такова была в те годы наша жизнь, и редакция журнала делала всё, что могла, для своих любимых авторов. Но помню, что в последние годы